

12278-62

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧУВАШСКО-РУССКАГО СЛОВАРЯ,

составленнаго Н. Золотницкимъ.

Ъ. Изъ гостеваго быта чувашь и ихъ моленье по окончаніи полевыхъ работъ, (1)

Корга. Кўрэгэ. Сый. Тава. Чуклэмэ.

Корга собственно значитъ «ковшъ». Слово это—не тюркскаго корня, но одно изъ весьма немногихъ, заимствованныхъ чувашами изъ черемисскаго нарѣчія (лугово-черемисское *корка*, горно-черемисское *карка*) (2). Кроме того *корга* у чувашь значитъ «угощеніе, пиръ», такъ какъ ковшомъ подается главный при этомъ напитокъ— пиво (*сыра, сьра*, по-татарски и по-алтайски *сыра*, по-пермяцки *сур*, по-черемисски *пура*) и такъ какъ во время пированья *корга* постоянно упоминается въ пѣсняхъ. Такъ, при угощенья кто-либо изъ домашнихъ или изъ близкихъ хозяевамъ родственниковъ напѣваетъ:

«*Коризэм дэ чибар, пыле хулá:*

«*Миньжин изэймэстер, хунызэм?*

«*Сирен изэссерэ, ай! кам бильмэсть?*

«*Йибададыр тутлы (дв) чильгерьбэ.*

(1) Первые четыре отрывка изъ Словаря напечатаны въ Каван. Губ. Вѣд. въ № № 78, 83 и 109 за 1871 г. и въ № 18 сего года.

(2) Ковшъ по татарски *тустьманъ*, у мамашенскихъ татаръ—*чумечъ* отъ *чум* погружаться, у алтайцевъ—*суску* отъ *сус* черпать (тоже, что русскій «черпанъ»).

«Ковшички» — распеванные, медовъ желтенькй: что же вы, гостиньки, церемонитесь (пить не можете)? да вашей способности къ выпивкѣ, эхъ! кто же не знаетъ? вы только отдѣльваете свои сладкими языками» т. е. похвалами угощенью и хозяевамъ. А безъ такихъ похвалъ пированье не обходится и въ нихъ рѣчь о *корга* не пропускается; наgrimъръ, гости поютъ:

«Йорлама да хонсан, ай! йорлыбыр;

«Корги аврызэвэ дэ сырлыбыр;

«Сяк тванзэм-омьэ, ай! турзасын,

«Олд' орала хорт пак сурлаберь.

«Если пѣть будетъ позволено, ай! споемъ, у *ковшей* (хозяйскихъ) ручки выкрасимъ; если встанемъ мы предъ этими родственниками (хозяевами или сватами — смотря по тому, у кого пиръ идетъ), то шестиногими пчелами мы жужжать будемъ». Подобныя похвальные въ честь хозяевъ пѣсни поются и у *крещеныхъ* изъ татаръ чувашъ⁽³⁾, напр.

«Кара урмаанарнын чіесе

Эйелсе јиргя тейесе;

Сандугачь микянь булбул микянь.

«Бу стаканнарнын іясе.

«Чернолѣсныя вишни склоняясь касаются земли: соловей ли или соловушко *хозяинъ этихъ стакановъ*». — Впрочемъ у чувашъ *корга* нерѣдко упоминается, кромѣ пировыхъ, въ эротическихъ, сатирическихъ и другаго рода пѣснахъ, гдѣ, разумѣется, дѣло касается угощенья; такъ напр. молодые люди поютъ:

(3) См. № 78 Казан. Губ. Вѣд. за 1871 г., первый отрывокъ изъ Словаря «Крещеные изъ татаръ чуваша». Въ приводимой пѣсни вмѣсто *ковшей* упоминаются стаканы, а слова *сандугачь* и *булбул* оба значать «соловей».

«Хйръэм хизирь болас-рап
«Ширэ Тора сѳратны.
«Хора, хора хйръэнэ
«Хора *корга*-ба сѳра барас;
«Хирле, хирле хйръэнэ
«Хирле *корга*-ба сѳра барас.

«Чтобы дѳвушки не были безплодны,—для того насѳ Богъ создалъ. Брюнеткамъ дѳвушкамъ чернымъ *ковшомъ* пива поднести; краснымъ дѳвушкамъ краснымъ *ковшомъ* пива поднести».

Прежде чѳмъ говорить о главныхъ пирахъ и обрядахъ, въ которыхъ *корга* составляетъ существенную необходимость, пужно сказать, что самое близкое отношеніе къ *корга* имѳють слова *кѳрэгэ*, *сый* и *тава*.

Кѳрэгэ употребляется въ значеніи почетнаго стола и почетнаго мѳста за столомъ, но собственно такъ называється большая чаша, бадочка, ведро или другая посуда съ пивомъ, которая ставится на столъ для угощенья или моленья и изъ которой пиво черпаютъ *ковшомъ* и подносятъ. На это настоящее значеніе *кѳрэгэ* указываютъ: а) чувашская поговорка: «*кѳрэгэ* толлынчэнъ ывыл тумалла»—съ почина полной «чашы» сына бы родить (тебѳ); такъ иногда говорить хозяйка той гостѳ, за которою, въ порядкѳ угощенья, остался *ковшъ* отъ послѳдней чашы и которая, по этому случаю, обязана вынуть снова изъ вновь принесенной полной чашы; и б) пировая пѳсня, которая поется гостями въ похвалу хозяйкамъ у вѳшенныхъ изъ татаръ чувашѳ:

«ѳстяль (ди) ѳстяль *кѳряя*,
«ѳстяль асларында (ди) *кѳляя*;
«ѳ тиль куйыб *сый тар* биргичъ,
«ѳшмесь микль *тѳряя*.

«*Чаша* столовапыц (пированья), подь столами тѣнь ея; если, поставивъ столъ, онъ (хозяинъ) предложилъ угощенья. то не быть ли ему когда нибудь судьей.»

Сый—одно изъ тѣхъ словъ, которыя чувашами взяты, такъ сказать, цѣликомъ изъ другихъ нарѣчій и употребляются, взамѣнъ настоящихъ чувашскихъ словъ, только при нѣкоторыхъ другихъ, опредѣленно къ нимъ относящихся, словахъ ⁽⁴⁾. *Сый*—татарское, киргизское, алтайское слово—значить «почетъ, уваженіе, угощеніе»; отъ него чувашскій глаголь *сыйлэ*. Оно употребляется только при глаголахъ *корас* видѣть, встрѣтить, *ктардас* показать, оказать, и при *тав'* благодарность, слава. Въ вышеприведенной татарской пѣсни мы уже видѣли выраженіе: *сыйлар биргяч* «если предложилъ угощенья». У чувашъ *сый* также встрѣчается въ гостевыхъ пѣсняхъ, напримѣръ.

«Чурэчэ видерь оих кордым,

«Олма-чибар ут кордым;

«Кильдем-кидем сяк билэ,

«Пось суклэйми *сый* кордым.

«Въ окно я увидалъ мѣсяцъ, яблочко-чубараго коня я увидалъ; пріѣхалъ-вошелъ въ этотъ домъ, невыносимое для головы *угощенье встрѣтилъ* я».—Эта пѣсня, очевидно, тоже—похвала хозяевамъ. Со словомъ *сый* при *тава* встрѣтимся далѣе.

(4) Таковы, напр. *тенэ-кирес*, *тенэ-күрьдэс* креститься, крестить, собственно—въ вѣру войти, въ вѣру ввести (*тенэ*—отъ татарскаго *день* вѣра); *кыж-арни-кан* Богоявленіе, собств. день зимней недѣли (здѣсь татарское *кыш* зима употребляется вмѣсто чувашскаго *хиль*; см. Замѣтки для ознаком. съ чув. нар., вып. 1, §§ 21 и 23); *синь-зэ* нерабочая пора въ началѣ лѣта, собств. новое лѣто (здѣсь тюркское *жай*—злѣи лѣто замѣняетъ чувашское *сѣ*; см. тамъ же § 26 п. а).

Тава, тав' — неперемѣнное этикетное выраженіе при угощеніи. Происхожденія оно несомнѣнно тюркскаго и въ чувашскомъ этикетѣ имѣетъ нѣсколько значеній. А) Оно въ нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ русскимъ: за здравіе, во здравіе. Хозяинъ, подходя къ гостю съ ковшемъ пива, говоритъ: *тава сана* — за твое здравье, гость отвѣчаетъ: *тав' ысь* — кушай на здравье ⁽⁵⁾. Б) Затѣмъ, по-киргизски *дау* значитъ тяжба, искъ. Хотя у чувашъ *тава* не употребляется прямо въ этомъ значеніи, но на тожество этого значенія указываютъ: во 1-хъ чувашскій глаголь *тавлаш* спорить, тягаться (татарск. *даулаш*, киргизск. *даулас*, алтайск. *талааш*) и во 2-хъ обычай, по которому хозяинъ, послѣ привѣтствія *тава сана* осушивъ ковшъ, показываеъ его гостю, какъ бы требуя соотвѣтствія, и потомъ гость, принявъ ковшъ пива, обязанъ выпить его также исправно, какъ выпилъ хозяинъ. Пряме же тяжба обнаруживается, какъ увидимъ ниже, въ распиваньи *шавыш корги*. В) Далѣе словомъ *тава, тав'* (татарск., черемисск., вотяцк. *тау*) выражается благодарность хозяевамъ за угощеніе. У татаръ есть особая пѣсня *тау-телеу* — выраженіе благодарности *). Если гость выходилъ изъ избы за нуждою, то, возвратясь и не садясь, неперемѣнно долженъ сказать хозяину *тав' сыйэ* — благодарю за угощенье (у крещеныхъ изъ татаръ чувашъ: *тау сыйга*). Въ отвѣтъ на эту фразу хозяинъ снова усаживаетъ гостя на мѣсто. При уходѣ гостя ему подносятъ *сѣл-корги* «дорожный ковшъ» —

(5) *Ысь* — вмѣсто *ысь пей* — по созвучію съ *тав*. У низовыхъ чувашъ вмѣсто *тав' ысь* говорится *ысь-тэ!* кушай-ка, кушай-же. (У Евреевъ *мазол-тов* — пожеланіе «добраго счастья».)

(*) Положена на ноты И. В. Гусевымъ и приложена ко 2-й части книги А. Ф. Риттиха Казанская губернія.

тоже, что русскій «посошокъ на дорожку». Отправляясь домой, гость говоритъ хозяйевамъ: *тав' искэ-сигэ, пирен бада да хуна бол*—благодарю за выпивку за пищу и къ намъ тоже въ гости будь—«къ намъ милости просимъ». Хозяева отвѣчаютъ: *тавах, еберь сирен хуна*—равно благодарны (за посѣщеніе), мы—«ваши гости». Если чужакинъ въ первый разъ послѣ попойки приходитъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ пировалъ или встрѣтится съ хозяевами этаго дома, то говоритъ: *тав' сыйэ сѣкура-тувара иликъ исне-синезэнэ*—благодарю за угощенье, за хлѣбъ за соль, что прошлый разъ пилъ и ѣлъ. Въ отвѣтъ на это ему говорятъ: *тавах, тивне болзан, тимэнэ болзан ан-ѣнкэлерь (ан-лтлыр)* буквально: хорошо если попало (тронуло), а если не попало, то не сердитесь (не браните)—радъ, если вы (т. е. вообще тогда пировавшіе) были довольны. а если нѣтъ, то извините. Замѣчательна поговорка: *пазарда иснеишь тав' сыйы сѣк*—за выпивку на базарѣ нѣтъ благодарности за угощенье. Г) Наконецъ, словомъ *тав'* выражается похвала хозяйевамъ за гостепримство. Возвращающійся съ пира говоритъ встрѣчнымъ или по возвращеніи домой своимъ домашнимъ: *тав'сыйэ* слава за угощеніе! Ему отвѣчаютъ: *тав'сыйлээнээнэ* слава гостепримнымъ (у крещеныхъ изъ татаръ чувашъ; *тау сыйлаганнарга*).— У татаръ словомъ *тау* воздается похвала даже стакану въ пѣсни, начинающейся:

«Стакангынайым (эй) *тау* синга,

«Стакан тулы бал синга!

«Стаканчикъ ты мой, слава тебѣ, стаканъ полонъ меду тебѣ!» (6)

⁶⁾ Въ смыслѣ похвалы *тава* встрѣчается въ припѣвахъ чувашскихъ пѣсенъ; *Тава, тава, хирьзэм, Тава, хирьзэм!* «Слава вамъ, дѣвушки, слава!»

Само собою разумѣется, что этикетныя пировыя формы и пѣсни, равно какъ церемоніи и фразы въ нижеописываемыхъ случаяхъ, не вездѣ одинаковы, такъ какъ и съ чувашамъ вполне примѣняется русская пословица: «что городъ, то поровъ, что деревня—то обычай».

Названіе *Шавыш корги* происходитъ, вѣроятно, отъ татарскихъ *сау* здоровый и *ич* пей (=чувашск. *сыв'ысь* ⁽⁷⁾) и значитъ «здравный ковшъ.» Изъ фразы, употребляемой при распиваньи такого ковша, видно, что онъ имѣетъ характеръ спорной попойки «пить до дна». При началѣ ея распорядитель пира говоритъ: *шавыш-коргина савза исмэллэ: изэгэнъ—поденэ, изэйман—карыш, тетъ*» здравный ковшъ любя пить: выпивній, говоритъ пословица,—перепелъ, а не смогшій выпить—дергачъ (птица)».

Изъ пиршествъ разнаго рода по церемоніи замѣчательно *ятла корга*—«имянной ковшъ». Пиръ этотъ имѣетъ характеръ семейнаго праздника, потому что въ немъ принимаютъ участіе, кромѣ домашнихъ, только родственники и самые короткіе знакомые. «Имяннымъ» онъ называется потому, что здѣсь подчиванье происходитъ по старшинству всѣхъ присутствующихъ отъ стара до мала, а у чувашъ, какъ извѣстно, *кизиншинэ ячпэ калассэ* младшаго по имени зовутъ. Въ сущности онъ состоитъ въ томъ, что домохозяинъ (или старшій въ домѣ), взявъ ковшъ пива, обращается къ старшему изъ родственниковъ и говоритъ ему: *тав'сана*; получившій это привѣтствіе, отвѣтивъ: *тав'ысь*, кланяется хозяину въ ноги и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не выпьетъ всего ковша, какъ бы долго онъ ни тянулъ его; потомъ хозяинъ под-

⁷⁾ О переходѣ татарскихъ звуковъ *с*, *ч* и *у* въ чувашскіе *ш* и *в* см. Замѣтки для ознаком. съ чув. нар., вып. 1, §§ 25 и 13.

носить ковшъ пива привѣтствованному и этотъ, выпивъ ковшъ, наливаетъ его самъ и обращается съ тѣмъ же привѣтствіемъ къ слѣдующему по старшинству (въ нисходящей линіи) и этотъ привѣтствуемый исполняетъ ту же самую церемонію. Когда такимъ образомъ ковшъ обойдетъ всѣхъ до послѣдняго, тогда начинается обыкновенное угощеніе.— Впрочемъ *ятла корга* исполняется еще иначе при обрядѣ *чуклэмэ*. Тамъ, какъ увидимъ ниже, названіе «глинянаго ковша» зависитъ отъ того, что въ молитвѣ упоминается имя хозяина, въ домѣ котораго происходитъ обрядъ.

Изъ обрядовъ, въ которыхъ *корга* играетъ непремѣнную роль, особеннаго вниманія заслуживаетъ *чуклэмэ*—моленье по окончаніи полевыхъ работъ. Въ «Замѣткахъ о чувашахъ» покойнаго В. А. Сбоева, моленье за новый хлѣбъ описано довольно подробно (стр. 47—53), какъ за время его молодости, т. е. какъ оно совершалось въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, такъ и за то время, когда онъ писалъ «Замѣтки», т. е. ровно въ половинѣ сего столѣтія (1848—1850); за то и за другое время авторъ наблюдалъ обряды чувашъ чебоксарскаго уѣзда. По этому, не входя въ разборъ описаній, воззрѣній и сужденій его, упоминаемъ объ нихъ только для сличенія, предлагая, съ своей стороны, краткое описаніе того же обряда въ томъ видѣ, какъ онъ совершается въ настоящее время у чувашъ юго-восточной части ядринскаго уѣзда и вводя въ это описаніе подлинныя тексты какъ молитвъ, такъ и обращеній въ присутствующимъ, насколько они касаются разсматриваемаго предмета ⁸⁾.

⁸⁾ Тексты эти записаны на мѣстѣ учителемъ-чувашинномъ Митрофаномъ Дмитриевымъ. Подлинныя тексты, кромѣ научнаго значенія ихъ, должны быть интересны для каждаго знатока и любителя чувашскаго нарѣчія, въ особенности для сличенія ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ чувашскаго населенія.

Корень слова *чуклэмэ* есть чувашское *чук*, черемисское *чок*, *чок*, употребляемое въ смыслѣ «жертва»; чувашскій глаголь *чуклэ*, черемисскій *чоклэ*—приносить жертву. Объясненіе этого слова находимъ въ обрядахъ шаманиствующихъ Алтайцевъ; тамъ *чок!* есть восклицаніе во время жертвеннаго кропленія на идоловъ, или при клажѣ на огонь начатковъ пищи; глаголь отъ этого слова—*чокта*. Извѣстно, что и Пермляне, будучи язычниками, по возвращеніи съ охоты, благодарили идола, падая на колѣна и съ крикомъ *пши!* мазали ему губы жиромъ рыбы, или кровію убитаго звѣря. Равно и у Черемисъ-язычниковъ, при общественномъ жертвоприношеніи, картъѣ (жрецъ) кропитъ дерево кровію убитой жертвы со словами: *на! возьми золотую кровь!* Чуваши также приносятъ въ жертву разныхъ животныхъ, что собственно и называется *чуклэс*; но для такихъ жертвоприношеній у нихъ нѣтъ опредѣленнаго срока и совершаются они только для умилостивленія гнѣвныхъ божествъ и кереметей въ случаѣ постигшихъ болѣзней и несчастій. Между тѣмъ, какъ у народа осѣдлаго и земледѣльческаго, у Чувашъ, равно какъ у Черемисъ и Вотяковъ, естественно возникла потребность обращаться къ Божеству съ мольбою о изобиліи плодовъ земныхъ и приносить отъ нихъ благодарственную жертву. Срокъ для такихъ жертвоприношеній опредѣлился самъ собою: мѣсяць, слѣдующій за окончаніемъ полевыхъ работъ и собраніемъ плодовъ въ житницы, у Чувашъ получилъ названіе *Чуг-оих*—мѣсяца благодарственныхъ и просительныхъ жертвъ (онъ начинается около половины ноября). А такъ какъ главнѣйшій продуктъ жизненнаго продовольствія Чувашъ—хлѣбъ, то онъ-то и предлагается при исполненіи обряда въ видѣ пищи—коровая и напитокъ—пива, что собственно и есть *чуклэмэ*.—Изъ всего этого видно, что *чуклэмэ* въ сущь

ности—обрядъ шаманскій, но съ мѣстнымъ земледѣль-
ческимъ характеромъ.

Въ главныхъ чертахъ обрядъ *чуклэмэ* состоитъ въ
слѣдующемъ:

По окончаніи полевыхъ работъ, чувашинъ, сваривъ
пива, созываетъ къ себѣ родныхъ, сосѣдей и знакомыхъ.
Изъ нихъ онъ выбираетъ одного, болѣе другихъ опыт-
наго въ исполненіи этаго обряда, въ распорядители (*нич-
кэ бослаган*—починающій бочку) и нѣсколькихъ чело-
вѣкъ въ товарищи ему. Они садятся за столъ (*күрэгэ*),
на который ставятся кадочка (*чиряс, лянгыс*) съ пивомъ
и коровой хлѣба изъ послѣдняго урожая, соль и девять
ковшей съ пивомъ; для распорядителя выбирается са-
мый большой ковшъ. Обрядъ начинается тѣмъ, что, взявъ
приготовленные ковши съ пивомъ, обращаются лицомъ
къ двери, а распорядитель, съ ковшомъ въ рукѣ и съ
шапкою подъ мышкой, начинаетъ молитву: «Тор'сирлах-
анбрах! Сава азынза ничкэ посылас тетпыр»... «Боже по-
милуй, не оставь! Въ воспоминаніе Тебя хотимъ почи-
нать бочку»... Далѣе продолжаетъ почти тоже самое, что
говорится въ нижеизложенной послѣдней молитвѣ. По-
томъ, обратясь къ иконѣ, говоритъ: «Тор'сирлах-анбрах!
вүдэсьри Тор', Эс порь озалдан сүлах!.. «Боже помилуй
не оставь! въ углу находящійся Богъ, Ты спаси отъ вся-
ваго зла!» За этимъ распорядитель надѣваетъ на голову
шапку и какъ онъ, такъ товарищи его и хозяинъ выпива-
ютъ по три ковша пива. Послѣ того всѣ садятся, а
распорядитель, стоя и обращаясь къ мужчинамъ, гово-
ритъ: «Алык-паньчи Албассам! хозя калать: кон-чол ись-
«ремер-сиремер, Тор'Амышнэ азынмарымыр; Тор'Амышнэ
«азынза, Онн ячпэ чондан корга исьмэ посыласа ярас
«тетъ; езер кильжеттер-и, кильшмэстер—и?» «Отъ двери
сидящіе міряне! (9) хозяинъ говоритъ: до сей поры мы

пили-ѣли, а Божію Матеръ не воспоминали; по этому, въ воспоминаніе *Божіей Матери*, онъ хочетъ отъ души предложить выпить ковшъ во имя Ея; вы на это согласны или вѣтъ?» Мужчины отвѣчаютъ: «Кильжет-пер, кильжетпер, — сырэ виссь, пирэ пре! «Мы согласны, согласны, — вамъ три (ковша), а вамъ одинъ!» Затѣмъ распорядитель обращается въ женщины: «Тубельди «Хорынзор-кассывэм!... «Въ тубели сидящія Березниковки!...»¹⁰⁾ и спрашиваетъ ихъ точно также, какъ и мужчинъ, а онѣ отвѣчаютъ ему тоже самое, что и мужчины. — Тогда распорядитель беретъ свой большой ковшъ съ пивомъ и говоритъ всему собранію: «Алык-панъчи Албассам, тубельди Хорынзор-кассывэм, кильтылер! Тор' сирлах, Тор' анбрах! хозя валать: чондан «перь корга посьлаза ярадып, теть, — Тор' Амыш корги. «Ана йвранла болдыр, сярэн чигеллэ болдыр, шив' ка-«зялла болдыр, ут тордайми орба болдыр, ар сѣклэйми «хумла болдыр! Кам да кам изэйман—хурах тобанба «туххыр сѣна вода кѣмэллэ, теть; тада кам да кам изэй-«ман—перь сѣлги вон-яккъ хулач хѣла топмалла, «теть. «Отъ двери сидящіе міряне, въ тубели сидящія Березниковки, слушайте! Боже помилуй, Боже не оставь! хозявнъ говоритъ, что онъ отъ души предлагаетъ

⁹ и ¹⁰⁾ Албассам переводимъ словомъ *міряне*, находя со-
отвѣствующимъ ему алтайское *албасты* міръ, народъ, (по-
алтайски *албан*, *алман* подать); но можно объяснять отъ ал-
тайскаго *ел-башчы*, киргизскаго *ел-басшы*—вожди народа.—
Здѣсь для ясности необходимо повторить замѣтку изъ 2-го от-
рывка изъ Словаря (№ 83 Казан. Губ. Вѣд. 1871 г.) о томъ,
что на нарахъ, идущихъ отъ двери до передняго угла и по
передней стѣнѣ, во время пира мужчины сидятъ до *тубели*,
которая начинается противъ очага или угла печи; эту часть
избы (у русскихъ отдѣляемую перегородкою) занимаютъ жен-
щины. Тамъ же подробно объясненъ комплиментъ женскому
обществу—*Хорынзор-кассывэм* «Березниковки».

ковшъ; это—ковшъ Божіей Матери. Да будутъ: поля съ межами, дуга съ границами, воды переплывчивы, лчмень такой, чтобъ лошади не свезти, хмѣль такой, чтобы мужчинѣ не поднять! ¹¹⁾ Кто и кто не смогъ выпить, тотъ—говорить пословица—долженъ на одномъ полозѣ девять воевъ (саней) дровъ привезти; еще—говорится—кто и кто не смогъ выпить, тотъ долженъ найти од-ногодній пруть въ 12 сажень».—По окончаніи этой рѣчи распорядитель безъ отдыха выпиваетъ свой ковшъ; по-томъ также пьютъ его товарищи. За тѣмъ одинъ изъ послѣднихъ выбираетъ ямщика (разсылнаго, подно-счика), который подносить пиво каждому изъ присутст-вующихъ, не исключая и малолѣтнихъ дѣтей. Выпить обязанъ каждый; за дѣтей пьютъ—отецъ за мальчика, мать за дѣвочку, за беременную женщину—ея мать или свекровь.—Послѣ этаго распорядитель, обращаясь къ мужчинамъ, спрашиваетъ: «Алык-павчи Албассам! хоя «чондан перь корга посылза яче—Тор' Амыш корги: «сырэ тивър-и, тимэр-и? вама тимэнь орà-синэ турыр. «Отъ двери сидящіе міряне! хозяинъ отъ души предло-жилъ ковшъ во имя Божіей Матери: попалъ онъ вамъ, или нѣтъ? если кому не достался, тѣ встаньте на ноги». Мужчины отвѣчаютъ: «тивне, тивне!—попалъ, достался». Съ тѣмъ же вопросомъ онъ обращается къ женщинамъ и получаетъ отъ нихъ тотъ же отвѣтъ ¹²⁾.—Чирясь снова

¹¹⁾ Послѣ этаго, очевидно—для краснаго словца, иногда прибавляютъ: «чих сюклэйми алдан (авдан) болдыр!» пѣтухъ да будетъ такой, чтобы курицѣ не поднять!

¹²⁾ Здѣсь нужно оговориться, что хотя въ настоящемъ слу-чаѣ слова Тор' Амыш мы перевели буквально «Божія Матерь», во по воззрѣнію чувашъ въ нихъ не заключается понятія о Бо-городицѣ Дѣвѣ Маріи, и что эти слова точнѣе слѣдовало пере-вести «суруга Бога» или «мать дѣтей Божіихъ», такъ какъ по-

наполняется пивомъ и распорядитель со всѣмъ собраніемъ
обращается къ порогу для молитвы говоря: «Тор' сирлах,
«Тор' авбрах! хозя *ятла корга* посыллава яче... Тора, ку вы-
«гыда чиберь сидерден, тада сѣва чиберь тохма бар; тада
«сѣва тохсасни тыр' агас тиебер: ширг-төреньзанэ вый-
«хват пар, олтта лажи агара сѣрэмэллэ болдыр, виссе
«кисри сѣрерэ, виссе тиги хыссень выллава бымалла бол-
«дыр. Авны тырры холым полдыр, хумуль хумыш пѣр
«полдыр, турры пурзя бѣк полдыр: перь пѣрчѣ (пѣрчив)
«акса пинь пюрчѣ ильмэ бар; Тор' сирлах! *Иван* азнатъ
«вигьнэиь Сана, Тора. Вырас тиебер; вырны чохнэ ывысь
«кассан ывысь перегечь полдыр; вюльдэ тувыбыр, вюльдэ
«тузан вюльдэ перегечь полдыр, тюмь тузан тюмь пере-
«гечь полдыр; ойра сюмэль тувыбыр, сюмэль перегечь
«полдыр; тортарны чох ораба-синэ хорыбыр, ораба пере-
«гечь полдыр; ан-вардынэ изэ-бырза кабан тузан, кабан
«перегечь полдыр. Тада сикьсэ турза авны хорас тиебер:
«водынъчэнь вварынъчэнь сирлах Тора—сикьсэ ўзыне
«хильгеминъчэнь. Авнынънэ сяпсан пурана (пюльмегэ)
«хорыбыр, пура перегечь полдыр: тватта вали хызалда
«вырттыр, виссе валинэ исьсэ-сималла болдыр. Сичь тю-
«сьлэ тырра сичь клетъ тытма бар. Сичь тюсьлэ вы-
«лига сичь варда тытма бар: шиварма кайны чох перь
«вйсь вардара перь вйсь шив'хиривъчэ болдыр; тюгинъ-
«чэнь сюминъчэнь тюлезэ пыдыр, пугынъчэнь шырынъ-
«чэнь савындардыр. Сирлах Тора! *Иван* азнатъ вигьнэиь
«Сана. Тада азиран сизимрэнъ водынъчэнь вварынъ-
«чэнь сирлах Тора! Тада содас тавара хаела «сот-

шамански боги имѣють женъ и дѣтей и такъ какъ чуваши,
подобно другимъ восточнымъ народамъ, говоря о высшихъ
лицахъ, вмѣсто «жена» выражаются «мать», напр. вмѣсто *пати'*
арыме — супруга государя, говорятъ *пати' амьжэ* — мать госу-
даря, въ смыслѣ «мать дѣтей государевыхъ». См. Сбоева стр. 97.

ма бар; илэс товара юнь ильмэ бар. Сана азнатпыр «витънэтпыр, Тора! Сяв'сырана чиберь ялым-йыжимба «кюршимь-кюппимьбэ исьсэ-сима бар, Тора: сѳратма «билъдендэ—осрама билъ. Айван кйллинэ хабыл-илэ-бар. «Амыль! Сирлах! «Боже помилуй, Боже не оставь! козя-инъ предложилъ *имянной ковшъ*... Боже, Ты благословилъ (насъ) благополучно дожить до настоящей поры, за тѳмъ сподоби благополучно встрѳтить лѳто; по встрѳчѳ лѳта мы предпримемъ пашню и посѳвъ хлѳба, (тогда) рѳз-цамъ и сошнякамъ (плуговѳ) дай силу и вѳрѳпость; шесть мериновъ шли бы въ плугѳ, ⁽¹³⁾ три кобыли—въ боронѳ и три жеребенка играя бѳжали бы за ними. Посѳянный хлѳбъ да будетъ густъ, стволь да будетъ какъ камышъ, зерно—какъ горохъ: отъ важдаго посѳяннаго зерна сподоби получить тысячу зеренъ; Господи помилуй! *Иванъ* (хозяинъ) воспоминаетъ Тебя, уповаеъ на Тебя, Боже. За тѳмъ мы будемъ предпринимать жатву; во время жатвы, когда горсть (хлѳба) срѳжемъ (серпомъ)—да будетъ отъ нея прибыль, снопъ свяжемъ—да будетъ отъ него прибыль, складемъ вучку сноповъ (пятовѳ, т. е. состоящую изъ 5-ти сноповъ)—да будетъ отъ нея прибыль, въ полѳ копну хлѳба сдѳлаемъ—да будетъ отъ нея прибыль; при перевозѳ наложимъ (хлѳба) на телегу—да будетъ отъ воза прибыль: по привозѳ на тумно, когда складемъ скирдъ—да будетъ отъ него прибыль. За тѳмъ посѳшно вставши предпримемъ ставить овинъ: (во время сушки хлѳба) сохрани Боже отъ по-

(13) *Ага* (по-татар. *сабан*)—плугъ, косуля, употребляется для распашки вновь расчищенныхъ, валежалыхъ и весною сырыхъ земель; въ *ага* впрягаютъ по нѳскольку лошадей; для распашки же подъ озими употребляется *сога*—соха; запрягаемая въ одну лошадь. Отсюда весеннй праздникъ пашни у черемисъ *ага-нарем*, у татаръ *сабан туйы*, по-чувашски *ага-тойе*.

жара (случающагося) отъ отстрекнувшей искры. Обмолотивши овинъ, ссыплемъ (хлѣбъ) въ сусекъ—да будетъ отъ сусека прибыль: четыре части пусть взади лежатъ, а три части да будутъ намъ въ пищу и питье. Семи сортовъ (видовъ) хлѣбъ въ семи влетьяхъ держать дай. Семи видовъ скотъ въ семи скотныхъ дворахъ держать дай: во время выгона на водопой одинъ конецъ (стада) да будетъ во дворѣ, а другой—на берегу рѣки: перомъ и шерстью да вознаграждать (птицы и скотъ за кормъ), удобреніемъ (для земли) да порадуютъ (хозяива). Господи помилуй! *Иванъ* прославляетъ Тебя, уповаешь на Тебя. Еще отъ грома, отъ молніи, отъ пожара сохрани, Боже. При продажѣ товара дай продать дорого, а при покупкѣ товара дай купить дешево. Тебя, Господи, мы призываемъ, на Тебя уповаемъ. Это пиво (и хлѣбъ) съ добрыми одностеревенцами, сосѣдями питьѣсть сподоби, Господи: если Ты благоволилъ (умѣлъ) создать (насъ), то и пропитать (хранить) благоволи (умѣй). Прими бессмысленную (эту) молитву. Аминь! Помилуй!» (14)—Окончивъ эту молитву, распорядитель беретъ свою шапку изъ-подъ мышки (хол-хошпинчэнъ) и надѣваетъ на голову; онъ, товарищи и хозяинъ выпиваютъ по три ковша. Тогда подносчикъ и прочіе присутствующіе дѣлаютъ земной поклонъ распорядителю и его товарищамъ, а эти желаютъ поклонившимся нажить дѣтей, богатства и всякаго добра и запѣваютъ пѣсню: «Аг-ахъ «Тора, ахъ пѣлѣхъ (пѣлѣхси), рахматъ сѣратса яныжин! Тора-«пѣлѣхъ сѣратман болзанъ эбирь сѣкъ вѣна вѣрасъ сѣкъ сѣкъ сырана да изэсъ сѣкъ. «Ахъ, ахъ Боже, ахъ податель,

(14) А иногда молитва эта оканчивается такъ: «Тюбелэ кивъ бар, алык-патынэ врю бар; сирлах; аминь!» Въ тюбель дай невѣстку, а въ двери зѣтя (см. сноску 9 и 10); помилуй, аминь!

слава Тебѣ за сотвореніе (насъ)! Еслибы Богъ-податель не создалъ (насъ) то намъ не видать бы этаго дня, не вивать бы этаго пива» (15). За симъ распорядитель привѣтствуетъ подносчика *тав'сана*, а товарищи его—прочихъ присутствующихъ, которые при этомъ поднимаются на ноги, цѣлуются съ распорядителемъ, его товарищами и хозяиномъ, получаютъ ковши пива, обращаются къ привѣтствовавшему и поютъ пѣсню, пѣтвую послѣдними. Наконецъ распорядитель говоритъ: «Пирьдѣянь мирѣ кайдыр»—отъ насъ да идетъ въ мирѣ, т. е. теперь представляется пировать всѣмъ здѣсь присутствующимъ; послѣ чего начинается обыкновенное гостевое угощеніе, пированье и пѣніе пѣсенъ.

(15) Въ припѣвахъ пѣсенъ, которыя поются при этомъ же обрядѣ, у козмодемьянскихъ чувашъ, говорится: «Арахмат тора! арахмат пюлих!» Слава Богу, слава подателю! *Пюлюх, пюлюхси* (по черемиски *пюлюкше, пюрюкша*) значить *раздѣлитель* (татарск. *бюлеучи, бюлѣкчи*) и, по шаманскимъ понятіямъ, есть названіе небеснаго бога, который, по назначенію *кебе* (судьбы) *раздаетъ* людямъ счастливые или несчастные жребіи, богатство или скудость земныхъ благъ.—Приведенная пѣсня сходствуетъ съ помѣщеннымъ въ «Названіяхъ родственныхъ отношеній у чувашъ» (стр. 6) припѣвомъ къ пѣсни, которую въ гостяхъ у тестя и тещи, или у свекра и свекрови поютъ имъ новобрачные: «Ціадам піанам, пирѣ сѣратман болзан эбирь сяг' йске-сигезѣ, ай, корас сѣк, корас сѣк.» Господинъ-батячка, госпожа-мамочка, если бы насъ не родили, намъ этаго угощенья, ай! не видать бы, не видать:

Переп. изъ ММ № 35 и 36 Каз. Губ. Вѣд. 1872 года.

Казань.

Въ Губ. Типогр.